

Молодежная политика аргентинской военной хунты как часть глобальной консервативной реакции
Youth policy of the Argentine military junta as part of a global conservative response

Веселова Ирина Юрьевна

*кандидат исторических наук,
Институт всеобщей истории РАН.*

Veselova Irina

PhD in History,

Institute of World History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: veselova-iyu@rudn.ru, ORCID: 0000-0003-4392-7829

Аннотация: В данной статье рассматривается молодежная политика, проводившаяся военной хунтой в рамках общих авторитарных стратегий, использовавшихся для контроля над общественной жизнью и для формирования массового мировоззрения в период последней военной диктатуры в Аргентине (1976-1983 гг.). Применяя концепцию дисциплинарной власти Мишеля Фуко, автор анализирует взаимодействие военных властей с молодежью. Особое внимание уделяется конфликту поколений и консервативной идеологии, противостоящей изменениям в молодежной культуре. В статье также показывается как сложные социально-политические процессы периода последней диктатуры в Аргентине были связаны с глобальной консервативной реакцией, наблюдавшейся в разных странах в 1970-е гг. Затронутая автором тема позволяет лучше понять авторитарные практики, использу-

ющиеся для формирования общественных норм, особенно при воздействии на молодежь.

Ключевые слова: диктатура, Аргентина, Фуко, консервативная реакция, молодежная политика, военная хунта

Abstract: This article examines the youth policy pursued by the military junta as part of the general authoritarian strategies used to control public life and to shape mass worldviews during the last military dictatorship in Argentina (1976-1983). Applying Michel Foucault's concept of disciplinary power, the author analyses the interaction of military authorities with young people. Particular attention is paid to generational conflict and conservative ideology opposing changes in youth culture. The article also shows how the complex socio-political processes of the last dictatorship in Argentina were linked to the global conservative reaction observed in different countries in the 1970s. The topic touched upon by the author allows for a better understanding of authoritarian practices used to shape social norms, especially when influencing young people.

Keywords: dictatorship, Argentina, Foucault, conservative reaction, youth policy, military junta

DOI: 10.32608/2305-8773-2023-40-1-125-136

Дата публикации: 24.11.2023

Источник финансирования: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-00103 «Правый радикализм и фашизм в Латинской Америке в XX в.»

Ссылка для цитирования:

Веселова И.Ю. Молодежная политика аргентинской военной хунты как часть глобальной консервативной реакции // Латиноамериканский исторический альманах. 2023. № 40. С. 125-136
DOI: 10.32608/2305-8773-2023-40-1-125-136

Историю последней аргентинской диктатуры невозможно рассматривать в отрыве от предшествующих ей в двадцатилетний срок политических и социальных событий. В 1947 г. Хуан

Доминго Перон, ставший за год до этого президентом, и его супруга, Эва Перон, основали Хустисиалистскую партию (*Partido Justicialista*, PJ). Хустисиалисты пытались воплотить в жизнь концепцию третьего пути с опорой на идеи сильной нации и социальной справедливости, их политика носила выраженный авторитарный характер. В 1955 году военные свергли хустисиалистскую партию, а ее лидер, Хуан Перон, лишился поста президента и отправился в ссылку в Испанию. Начиная с этого момента и вплоть до 1983 года политическая история Аргентины представляла собой вереницу военных диктатур, перемежавшихся короткими сроками демократического правления. При этом аргентинский социум не был изолирован от глобальных процессов послевоенного времени.

1950-е годы стали началом культурной революции в странах Запада. Она заключалась в социальных сдвигах, которые Эрик Хобсбаум предлагал рассматривать через призму изменения общественных норм¹. Сексуальная либерализация, связанная с изменением положения женщин в обществе и со снятием ряда существовавших ранее табу на обсуждение сексуальности, а также развитие «морального индивидуализма» привело к кризису привычного для предыдущих поколений института семьи. В этих условиях молодежь стала превращаться в социальную группу с собственным автономным сознанием. Хобсбаум выделяет три основные черты новой молодежной культуры: молодость начала мыслиться самой молодежью как последняя стадия существования; не характерные для других групп, молодежные стратегии и цели потребления дали толчок развитию рыночной экономики и, наконец, этой молодежной культуре, развивавшейся в урбанистическом обществе, был присущ интернационализм². Прежние социальные механизмы регулирования поведения, поддерживаемые прежде всего через институт семьи, перестали работать, в связи с чем политики, большинство из которых принадлежали к старшему поколению, напрямую столкнулась с проблемой взаимодействия с молодежью. За

¹ Хобсбаум, 2004. С. 345–346.

² Там же. С. 348–350.

волной послевоенной молодежной культурной революции пришла волна глобальной консервативной реакции.

В 1966 г. произошла так называемая «аргентинская революция» - переворот, установивший военную диктатуру, не отличающуюся стабильностью. За короткий период времени ее последовательно возглавляли Хуан Карлос Онгания (1966-1970), Роберто Марсело Левингстон (1970-1971) и Алехандро Агустин Лануссе (1971-1973). С приходом к власти Онгании аргентинские университеты лишились автономии. Военные начали проводить «моральные кампании» при поддержке полиции, борясь с ношением мини-юбок женщинами и длинных волос мужчинами, с поцелуями в публичных местах, с походами незамужних женщин в бары и кино³. Эта политика провоцировала социальную напряженность и усиливала межпоколенческие разногласия.

В 1973 г. перонисты снова ненадолго пришли к власти: Х. Перон стал президентом, а его третья жена Исабель Мартинес де Перон была избрана вице-президентом. Однако уже в 1974 г. Х. Перон скончался и, по процедуре, предусмотренной Конституцией, Исабель заняла его пост. Ее правительство оказалось неспособно решить социально-политические конфликты внутри страны. Более того, оно создало условия для расцвета неизбирательного насилия, провозглашая борьбу с «атеистическим коммунизмом» в качестве государственной задачи⁴. С 1974 года и до военного переворота 1976 года в стране развернулась ожесточенная борьба между ультралевыми и ультраправыми террористическими организациями, появившимися еще в период диктатуры Онгании. К первым относились партизанские перонистские организации левого толка, такие как Монтонерос и Народно-революционная армия, а ко вторым – Аргентинский Антикоммунистический Альянс (ААА, Triple A). В качестве основного метода борьбы ААА использовали открытый террор против идеологических оппонентов. Борьба левых и правых групп, сопровождавшаяся негосударственным насилием, уси-

³ Felitti, 2006. P. 50.

⁴ Servetto, Paiaro, 2013. P. 376.

лила кризис демократии и привела к тому, что многие аргентинцы поддержали государственный переворот 1976 г. и установившуюся после него диктатуру вооруженных сил⁵. В этот предшествовавший перевороту трехгодичный демократический период Аргентина оказалась более открыта для американской и британской культуры, чем раньше, и «моральный» контроль общества со стороны полиции несколько ослаб, несмотря на усиление внутренней цензуры по отношению к творчеству местных деятелей культуры.

24 марта 1976 г. военные сместили Исабель Перон с поста президента и сформировали военную хунту, возглавившую правительство. Военные решили бороться с политическими оппонентами радикальными методами. В качестве основной стратегии был выбран План национальной реорганизации. Его основной целью было заявлено «восстановление основных ценностей, которые служат фундаментом для целостного управления государством, подчеркивая чувство морали, пригодности и эффективности, необходимых для восстановления содержания и образа нации, искоренения подрывной деятельности и содействия экономическому развитию национальной жизни на основе баланса и ответственного участия различных секторов, чтобы обеспечить последующее установление республиканской, представительной и федеральной демократии, адекватной реальности и требованиям вознаграждения и прогресса аргентинского народа»⁶. Из этого текста можно выявить, что военные видели основную проблему страны в утрате патриархальной морали, повлекшей за собой нарушение общественного порядка. Но национальная реорганизация не предполагала установление нового порядка с новыми социальными нормами. Пришедшие к власти военные стремились вернуть аргентинское общество к «старому порядку», который понимался ими как порядок, базирующийся на «ценностях христианской морали,

⁵ Rostica, 2011. P. 48.

⁶ Acta fijando al propósito y los objetivos básicos para el Proceso de Reorganización Nacional (Boletín Oficial del 31/03/76) // Maris Ageitos S. Historia de la impunidad. Las actas de Videla, los indultos de Menem y la reapertura de los juicios. Buenos Aires: Adriana Hidalgo, 2011. P.45.

национальной традиции и гордости быть аргентинцем»⁷. Цель, поставленная военной хунтой в Процессе национальной реорганизации, неизбежно затрагивала все сферы повседневной жизни аргентинцев.

Главным идеологом хунты, чьи речи задавали общий идеологический вектор для проведения внутренней и внешней политики, стал адмирал Эмилио Эдуардо Массера. В одном из своих выступлений он заявил следующее: «когда мы снова поймем, что экономика – это только одна из глав политики, а политика подчиняется морали, мы начнем видеть во всех сферах избавление от смерти как инструмента утопий и отпразднуем возвращение жизни»⁸. Под утопиями, по-видимому, подразумевалось построение социализма и коммунизма, ради которых некоторые молодые люди готовы были отдавать жизнь. Моральный аспект, который военные в этом случае ставили во главу угла, выводил политику далеко за рамки правительственных кабинетов.

Все, кто сопротивлялся запущенному процессу или не разделял указанные ценности, автоматически попадали под категорию «subversivo» («подрывник»). Этот термин появился в Аргентине еще в начале XX века для обозначения людей, ведущих подрывную деятельность против государства. Уничтожение «подрывников» было декларировано в качестве одной из ключевых задач хунты. Новый режим оказался гораздо более жестким в своей внутренней политике по сравнению с предыдущими. Если члены ААА применяли «наглядное» насилие, призванное сеять страх в обществе, то пришедшая к власти военная хунта старалась скрыть репрессии любым способом⁹. Противники режима просто исчезали из социума. Открытый точечный террор превратился в скрытый массовый, и на деле оказалось, что такая модель способна заставить население бояться гораздо сильнее. В зону риска в первую очередь попадала молодежь,

⁷ Ibid. P.45.

⁸ La Universidad debe condenar la demagogia, expresó Massera // La Nación. Sábado 26, noviembre 1977. P. 22.

⁹ Bayer, Boron, Gambina, 2011. P.97.

вне зависимости от своих политических взглядов, по ряду причин:

Во-первых, термин «subversivo» не был четко определен в законодательстве. В официальных заявлениях правительства он сопровождался самыми разными определениями: «марксист, не католик, шпион, аморальный, извращенный, нигилистический, бредовый, коррумпированный, экономический преступник, иррациональный, поработящий словом, психологический манипулятор, антинационалист, агент хаоса и т.д.»¹⁰. Этим критериям мог соответствовать любой гражданин, что формировало в обществе атмосферу подозрительности и страха. Главным проводником этих эмоций становились медиа.

Во-вторых, многие молодые аргентинцы, выступавшие против послевоенного технократического и капиталистического общества, были политически заряжены и «легко совершали переход от культурного бунта к политической радикализации»¹¹. Аргентинская студенческая среда в первой половине 1970-х годов была необычайно активной в политическом плане. Попытка провести университетскую реформу, начатая в 1973 году, привела к тому, что многие сторонники левых течений заняли высокие позиции в университетах¹². Однако эта реформа была свернута уже в 1974 г., а университеты захлестнула волна насилия из-за столкновений между левыми и представителями ААА¹³. По этой причине приход военных к власти был воспринят некоторыми гражданами, как стабилизация ситуации. Однако методы зачистки университетской среды, примененные военными (речь идет прежде всего об исчезновениях), оказались радикальными и поставили под угрозу всех преподавателей и студентов, интересовавшихся левыми идеями.

В-третьих, раскол между поколениями, углубившийся в период диктатуры Онгани, побуждал властей воспринимать мо-

¹⁰ Guillard, 2018. P.140.

¹¹ Borelli, 2013. P. 53.

¹² Friedemann, 2018. P. 195.

¹³ Mendez, Peralta R. Universidad y Dictadura. El terror en los claustros. URL: <https://www.unicen.edu.ar/content/universidad-y-dictadura-el-terror-en-los-claustros> (Fecha de consulta: 14.08.2022).

лодежь как бунтарей против социальных ценностей, постулируемых государством. Здесь следует обратить внимание на то, что подобная борьба за «нравственную чистоту», часто основанная на традиционной для общества религии и сопровождающаяся репрессиями, характерна для быстро модернизирующихся обществ¹⁴. Таким обществом Аргентина стала после 1955 г., когда поражение перонизма запустило процесс интеграции страны в стремительно меняющийся западный мир. Развитие новых технологий, прежде всего в бытовой сфере и медицине, способствовало постепенному размыванию культурных барьеров, демографическим изменениям, эмансипации женщин и другим процессам, менявшим социум.

Ввиду изложенных причин вопрос молодежной политики был важной составляющей общего политического курса, декларированного в Процессе национальной реорганизации. Выступая в ноябре 1977 г. с речью в Университете Сальвадора (Буэнос-Айрес), Массера заявил: «Я по правде убежден, что растрата мышления и нестабильность ценностей среди молодых людей – это самые деструктивные последствия так называемого кризиса безопасности, который определяет нашу эпоху»¹⁵. Под безопасностью понималась стабильность, которой, по замыслу военных, страна должна была достичь после уничтожения всех «подрывных» элементов. Молодежь в этой речи определялась как «люди Запада, которые бредут сегодня бесцельно и меланхолично»¹⁶. Предполагалось, что молодые люди найдут правильный путь под чутким руководством правительства. Следует отметить, что выступления Массеры во многом напоминали церковные проповеди. В них отразился «пастырский» дух, мессианство новой власти. С точки зрения аргентинских властей молодежь представляла собой несамостоятельную массу, не способную отвечать за будущее страны¹⁷. Исходя из этой логики, взрослым следовало постоянно контролировать и направ-

¹⁴ Kukulin, 2021. P. 187.

¹⁵ Massera, 1979. P. 90.

¹⁶ Ibid. P. 90.

¹⁷ Borelli, 2013. P. 74.

лять молодых людей, прививать им надлежащие ценности. Основную ставку при этом военная хунта делала на образовательные учреждения, а не на семью.

По замыслу Массеры благополучие должно было наступить, «когда сегодняшний «человек чувственный» будет побежден «вечным человеком рациональным»¹⁸. Определение «вечный», использованное в этой фразе, не оставляло альтернативы для молодого слушателя. Власти пытались убедить его, что современная молодежная культура – это лишь фаза на пути к неизбежному «взрослению», и для него будет лучше как можно быстрее войти во взрослый «рациональный» мир под чутким руководством старших наставников. Но если официально военные предлагали «направлять» молодежь в нужное русло посредством их воспитания и образования, то на деле доходило до грубого вмешательства в частную жизнь.

Власти Аргентины в период последней диктатуры пытались контролировать все аспекты существования социума. На основании исторического опыта целого ряда обществ в XX веке можно видеть, что прослушивание «неконвенциональной» музыки и ношение яркой, привлекающей внимание одежды, отличающейся от остального сообщества, превращалось в условиях жестких политических режимов в политическое высказывание. Происходило это потому, что недемократические режимы XX века чаще всего декларировали в качестве своей основной цели принудительное, насильственное достижение общего блага. При таком отношении власти к обществу особенно жестко реализуется политическая логика, описанная в цикле лекций Мишеля Фуко «Безопасность, территория, население»: «...множество предшествует индивиду, ибо индивиды — не что иное, как продукт дисциплинарной обработки множества»¹⁹. Особо жесткая дисциплинарная власть в случае авторитарных режимов XX века реализовалась с помощью контроля разных аспектов существования человека, в том числе и телесной сферы. Фуко описывал политические практики XVII—

¹⁸ Massera, 1979. P. 121.

¹⁹ Фуко, 2011. С. 27.

XVIII веков, когда общество было в большей степени «коллективистским», чем позже, когда, как показывает историк культуры и религиовед Чарльз Тейлор, в обществах многих стран мира распространяется парадигма экспрессивизма, то есть представление о том, что добродетелью человека является выражение своего индивидуального «я» - во вкусах, манере одеваться и т.д.²⁰ Авторитарные режимы XX века подавляли проявления экспрессивизма там и тогда, где и когда люди уже привыкли жить в условиях новой парадигмы. Аргентина была ярким примером действия этой закономерности. Даже если сами молодые люди не расценивали свои повседневные практики как политически окрашенные, то представители власти считали иначе.

«Молодежная революция» 1960-х годов запустила во многих странах формирование особого типа культуры, который американская исследовательница Маргарет Мид обозначила как префигуративный²¹. В этом типе культуры старшее поколение не только учит младшее, но и само учится у молодежи. Болезненные процессы перехода к префигуративной культуре в разных обществах шли с разной скоростью. Эмансипация, культура хиппи, рок-музыка, сексуальное освобождение и другие сопутствующие элементы «молодежной революции» были одновременно проявлениями и путями начавшейся трансформации. Они вызывали непонимание и непринятие со стороны старшего поколения, представители которого занимали высокие правительственные посты. Как можно судить из проведенного анализа, в Аргентине на это противодействие со стороны элит, замешанное на конфликте поколений, наложилась консервативная идеология, предполагавшая создание утопического, но консервативного по смыслу «христианского общественного порядка», якобы опиравшегося на «национальные идеалы». Однако, как показала история, попытки военной хунты установить «традиционный» общественный порядок путем запугивания, стигматизации и одновременно мобилизации молодежи, оказались обречены на провал.

²⁰ Тейлор, 2017. С. 585.

²¹ Mead, 1970. P. 1.

Библиография/ Referencias:

- Acta fijando al propósito y los objetivos básicos para el Proceso de Reorganización Nacional (Boletín Oficial del 31/03/76) // Maris Ageitos S. Historia de la impunidad. Las actas de Videla, los indultos de Menem y la reapertura de los juicios. Buenos Aires: Adriana Hidalgo, 2011. P.45.
- Bayer O., Boron A.A., Gambina J.C.* El terrorismo del estado en la Argentina: apuntes sobre su historia y sus consecuencias. Buenos Aires: Instituto Espacio para la Memoria, 2011. 320 p.
- Borelli M.* Por la “recuperación de los jóvenes extraviados”: el diario Clarín y la juventud durante los primeros años de la dictadura militar argentina (1976-1977) // Austral Comunicación. Volumen 2, número 1 (junio de 2013). Pp. 43-78
- Felitti K.A.* En defensa de la libertad sexual: discursos y acciones de feministas y homosexuales en los '70 // Temas de mujeres, año 2, n°2, 2006. Pp. 47-69.
- Friedemann S.* “Compañeros decanos”. La reforma universitaria de la izquierda peronista a través de las designaciones de autoridades en la Universidad de Buenos Aires (1973-1974) // PolHis. Año 11, número 21. Enero-junio de 2018. Pp. 162-200.
- Guillard A.* Demonizar para castigar: justificar el castigo durante la última dictadura argentina (1976-1983) // Cahiers des Amériques latines. 88–89, 2018. Pp. 135-151.
- Kukulín I.* The culture of ban: pop culture, social media and securitization of youth politics in today's Russia // International Journal of Cultural Policy, 27:2, 2021. Pp. 177-190.
- La Universidad debe condenar la demagogia, expresó Massera // La Nación. Sábado 26, noviembre 1977. P. 22.
- Massera E.E.* El camino a la democracia. Caracas: el cid editor, 1979. 151 p.
- Mead M.* Culture and Commitment: A Study of the Generation Gap. Garden City, N.Y. Published for the American Museum of Natural History, Natural History Press, 1970. 91 p.
- Méndez J., Peralta R.* Universidad y Dictadura. El terror en los claustros. URL: <https://www.unicen.edu.ar/content/universidad->

- y-dictadura-el-terror-en-los-claustros (Fecha de consulta: 14.08.2023).
- Rostica J.* Apuntes «Triple A». Argentina, 1973-1976 // Desafíos, Bogotá (Colombia), (23-2): 21-51, semestre II de 2011. Pp. 21-51.
- Servetto A.M., Paiaro M.* Violencia y represión: Los discursos de María Estela Martínez de Perón (1974-1976) // Anos 90, Porto Alegre, v. 20, n. 38, dez. 2013. Pp. 253-376.
- Тейлор Ч.* Секулярный век / Пер. с англ. А. Васильева, Л. Колкера и др. (Сер. «Философия и богословие»). М.: ББИ, 2017. 967 с.
- Фуко М.* Территория, безопасность, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж-де-Франс в 1977—1978 учебном году. Пер. с фр. Сулова Н.В., Шестакова А.В., Быстрова В.Ю. СПб.: Наука, 2011. 543 с.
- Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914—1991). Пер. с англ. Нарышкиной Е.М., Никольской А.В. М.: Издательство Независимая Газета, 2004. 630 с.